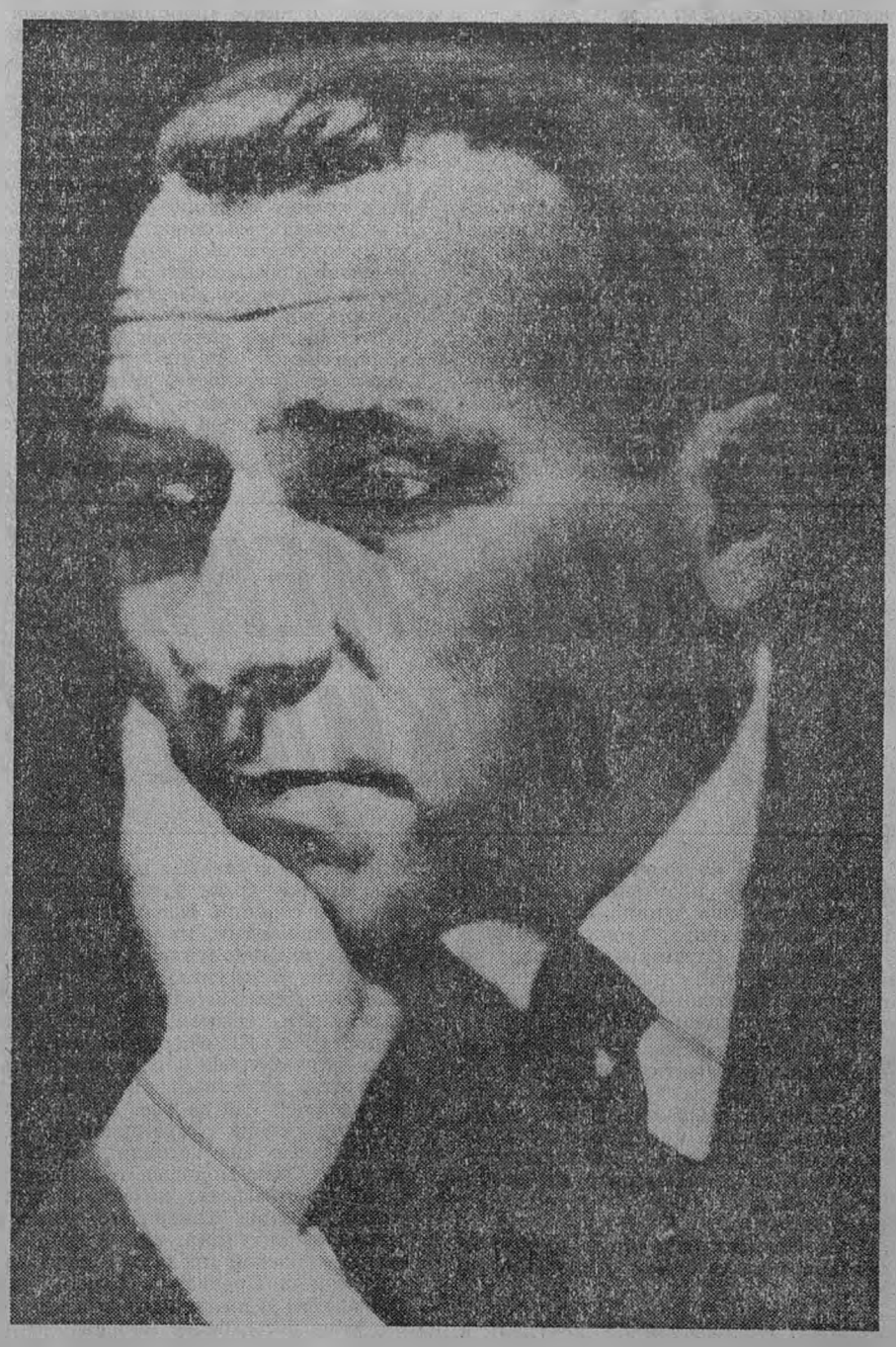
К 100-летию со дня рождения Михаила Афанасьевича БУЛГАКОВА

М. БУЛГАКОВ:

— В истории каждой нации есть эпохи, когда в глубине народных масс происходят духовные изменения, определяющие движения на целые столетия. И в этих сложных процессах качественного обновления нации немалая роль принадлежит искусству и литературе. Они становятся духовным катализатором, они помогают вызреть новому знанию миллионов людей и поднимают их на свершение великих подвигов. Так было в разные эпохи истории Италии, Англии, Франции, Германии. Мы помним, какую блистательную роль сыграло творчество великих художников слова — Данте, Шекспира, Мольера, Виктора Гюго, Байрона, Гете, Гейне... Мы помним, что с «Марсельезой» поэта Руже де Лиля народ Франции вершил свои революционные подвиги, а в дни Парижской коммуны Эжен Потье создал «Интернационал»... Великие поэты и писатели потому и становятся бессмертными, что в их произведениях заложен мир идей, обновляющих духовную жизнь народа. Таким революционером духа русского народа был Пушкин...

— Все ценное, что мир веками накопил в непрестанном творчестве, должно быть бережно и с любовью вручено грядущим поколениям...



Сов. Россия. — 1991. — 12 мая. — с. 4

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Письмо М. А. Булгакова К. С. Станиславскому

30 августа 1931 г. В Москве.

Дорогой Константин Сергеевич!

Весною я получил предложение от одного из Ленинградских Театров (Красный Театр Госнардома) написать для него пьесу на тему о будущей войне. Театр дал мне возможность разработать эту тему по моему желанию, не стесняя меня никакими рамками.

Я написал 4-х актную пьесу «Адам и Ева».

Совершенно железная необходимость заставила меня предоставить эту пьесу театру имени Вахтангова в Москве, который срочно заключил со мною договор, не меняя ни одной буквы из пьесы.

Я очень жалел, что пьеса не пошла в Художественном театре. Этому был ряд причин и притом неодолимых: нет никаких сомнений в том, что МХТ не заключил бы со мной договора вслепую, не зная пьесы, пришлось бы вести переговоры осенью, а я ФИЗИЧЕСКОЙ возможности не имел ждать до осени. Но кроме этого — в договорах МХАТ существует твердо принятый вообще тяжелый, а для меня ужасный пункт о том, что в случае запрещения пьесы автор обязан вернуть аванс (я так уже возвращаю тысячу рублей за «Бег»).

Я вечно под угрозой запрещения. Немыслимый пункт! Кроме того МХТ дает только аванс в счет будущих авторских, а не деньги за право постановки, а мне обремененному за время моего запрещения авансами уж и немыслимо их брать.

Вот почему пьеса срочно ушла в Театр Вахтангова.

Недавно во время моих переговоров с Большим Драматическим Театром В ЛЕНИНГРАДЕ, я, связанный с ним давними отношениями, согласился, опять-таки срочно, написать для них пьесу по роману Л. Толстого «Война и мир».

Сообщаю Вам об этом, Константин Сергеевич. Если только у Вас есть желание включить «Войну и мир» в план работ Художественного театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам.

Было бы желательно, если бы Вы В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОСТАВИЛИ БЫ ВОПРОС О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА НА «ВОЙНУ И МИР»

Повторяю: железная необходимость теперь руководит моими договорами. Считаю долгом сообщить, что пришлось при заключении договора С ЛЕНИНГРАДОМ дать Большому Драматическому Театру право премьеры. Ничего не мог поделать!

Но я лично полагаю, что беды от этого никакой нет.

Любящий и уважающий
Вас М. Булгаков

P. S. Извините за спешное и с помарками письмо — Евгений Васильевич уезжает к Вам.

Публикация В. Лосева и Т. Панфиловой.

Из рукописного наследия — *«Мастер и Маргарита» (вариант)*

На Лысой Горе

Настал самый мучительный час шестой. Солнце уже опускалось, но косыми лучами все еще жгло Лысую Гору под Ершалаимом и до разбросанных камней нельзя было дотронуться голой рукой.

Солдаты, сняв раскаленные шлемы, прятались под плащами, развешанными на концах копий, то и дело припадали к ведрам и пили воду, подкисленную уксусом.

Солдаты томились и, тихо ворча, проклинали ершалаимский зной и трех разбойников, которые не хотели умирать.

Один лишь командир дежурящей и посланной в оцепление кентурии Марк Крысобой, кентурион-великан, боролся со зноем мужественно. Под шлем он подложил длинное полотенце, смоченное водой, и методически, пугая зеленоватых ящериц, которые одни ликовали по поводу зноя, ходил от креста к кресту, проверяя казнимых.

Холм был оцеплен тройным оцеплением. Вторая цепь опоясывала безлесую гору пониже и была реже первой, а у подножия горы, там, где начинался пологий подъем на нее, находился спешенный сирийский эскадрон.

Сирийцы пропускали всех граждан, которые желали видеть казнь троих, но смотрели, чтобы ершалаимские жители не скоплялись бы в большие толпы и не проходили бы с какой-нибудь поклажей, не учиняли каких-либо демонстраций. А за вторую цепь уже не пропускали никого. Бдительность спешенных сирийцев, повязанных чалмами из мокрых полотенец, во вторую половину дня была, в сущности, излишней. Если в первые часы у подножия холма еще были кучки зевак, глядевших, как на горе поднимали кресты с тремя пригвожденными и устанавливали громадный щит с надписью «Разбойники», то теперь, когда солнце уходило за Ершалаим караулить было некого. Меж сирийской цепью и цепью спешенных легионеров находились только какой-то мальчишка, оставивший своего осла на дороге близ холма, неизвестная старуха с пустым мешком, которая, как она бестолково пыталась объяснить сирийцам, желала получить какие-то и чьи-то вещи, и двух собак — одной лохматой желтой, другой — гладкой запаршивевшей.

Но в стороне от гладкого спуска, под корявой и чахлой смоковницей поместился один зритель, который явился к самому началу казни и вот уже шестой час, прикрывшись грязной тряпкой от солнца, сидел под совершенно не отбрасывающей тень смоковницей.

Явившись к началу казни, зритель повел себя странно. Когда процессия поднялась на холм и цепь замкнулась за ней, он сделал наивную попытку, не слушая окриков, подняться следом за легионерами, за что получил страшный удар тупым концом копья в грудь и слетел с ног.

Оглядев ударившего его воспаленными глазами, человек поднялся, собрался с силами и, держась за грудь, тронулся в сторону, пытаясь проникнуть в другом месте, но тут же вернулся, сообразив, что, если сделает еще одну попытку, будет арестован, а быть задержанным в этот день в его план не входило.

Он вернулся и утвердился в стороне под смоковницей, там, где ротозеи не мешали ему. Место он выбрал так, чтобы видеть вершину с крестами.

Сидя на камне, человек чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами тосковал.

Он, то вздыхая, открывал на груди таллиф и обнажал грудь, по которой стекал пот, то глядел в небо и следил за тремя орлами-стервятниками, которые в стороне от холма делали тихие коварные круги, или повисали неподвижно над холмом, дожидаясь неизбежного вечера, то вперял безнадежный взор в землю и видел выбеленный собачий череп под ногами и шныряющих веселых ящериц.

Мучения человека были так велики, что иногда он заговаривал вслух сам с собой.

— О, я трус,— бормотал он, от внутренней боли царапая ногтями расшибленную грудь,— падаль, падаль, собака, жалкая тварь, пугливая женщина!.. Глупец! Проклинаю себя!

Он поникал головой, потом оживал вновь, напившись из фляжки тепловатой воды, хватался то за нож, спрятанный за пазухой, то за покрытую воском таблицу. Нож он, горько поглядев на него, прятал обратно, а на таблице украдкой заостренной палочкой выцарапывал слова.

На таблице было им выцарапано так.

«Второй час. Я — Левий Матвей нахожусь на Лысой Горе. Ничего».

Далее:

«Третий час. Там же. Ничего».

И теперь Левий безнадежно записал, поглядев на солнце:

«И шестой час ничего».

И от тоски расцарапал себе грудь, но облегчения не получил.

Причина тоски Левия заключалась в той тяжкой ошибке, которую он сделал. Когда Га-Ноцри и других двух осужденных, окруженных конвоем, вели на Лысую Гору, Левий Матвей бежал рядом с конвоем, толкаясь в толпе любопытных и стараясь какими-нибудь знаками показать Ешуа, что он здесь. В страшной сутолоке в городе этого сделать не удалось, но когда вышли за черту города, толпа поредела, конвой на дороге раздался, и Левий дал Ешуа себя увидеть. Ешуа узнал его, и вздрогнул, и вопросительно поглядел. Тогда Левия осенила великая мысль, и он сделал Ешуа знак, радостный и успокоительный, такой, что Ешуа поразился.

Левий бросился бежать изо всех сил в сторону, добежал до первой лавчонки и, прежде чем кто-нибудь опомнился, на глазах у всех схватил с прилавка мясной нож и, не слушая криков, скрылся.

Замысел Левия был прост. Ничего не стоило прорваться сквозь редкую цепь идущего конвоя, подскочить к Ешуа и ударить его ножом в грудь, затем ударить себя в грудь. Молясь в быстром беге и задыхаясь, Левий бежал в зное по дороге, догоняя процессию, и опоздал. Он добежал до холма, когда сомкнулась цепь.

В шестом часу мучения Левия достигли такой степени, что он поднялся на ноги, бросил на землю бесполезный украденный нож, бросил деревянную флягу, раздавил ее ногой и, простерши руку к небу, стал проклинать себя.

Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, проклинал своих родителей, породивших глупца, не догадавшегося захватить с собою нож, а более всего проклинал себя адскими клятвами за бесполезный, обнадеживший Ешуа знак.

Видя, что клятвы его не действуют, он, зажмурившись, уперся в небо и потребовал у Бога немедленного чуда, чтобы тотчас же он послал Ешуа смерть.

Открыв глаза, он глянул и увидел, что на холме все без изменений и попрежнему ходит, сверкая, не поддающийся зною кентурион.

Тогда Левий закричал:

— Проклинаю Бога!

И поднял с земли нож. Но он не успел ударить себя.

Он оглянулся в последний раз и увидел, что все изменилось вокруг. Исчезло солнце, потемнело сразу, пробежал ветер, шевельнув чахлую растительность меж камней, и, как показалось Левию, ветром гонимый римский офицер поднялся между расступившихся солдат на вершину холма.

Левий нож сунул под таллиф и, оскалившись, стал смотреть вверх. Там, наверху, прискакавший был встречен Крысобоем. Прискакавший что-то шепнул Крысобою, тот удивился, сказал тихо: «Слушаю»... Солдаты вдруг ожили, зашевелились.

Крысобой же двинулся к крестам. С крайнего доносилась тихая хриплая песня. Пригвожденный к нему к концу четвертого часа сошел от мух с ума и пел что-то про виноград, но головой, закрытой чалмой, изредка покачивал, и мухи тогда вяло поднимались с его лица и опять возвращались.

Распятый на следующем кресте качал чаще и сильней вправо, так чтобы ударять ухом по плечу, и чалма его размоталась.

На третьем кресте шевеления не было. Прокачав около двух часов головой, Ешуа ослабел и впал в забытье. Мухи поэтому настолько облепили его, что лицо его исчезло в черной шевелящейся маске. Жирные слепни сидели и под мышками у него, и в паху.

Кентурион подошел к ведру, взял у легионера губку, обмокнул ее, посадил на конец копья и, придвинувшись к Ешуа, так что голова его пришлась на уровне живота, копьем взмахнул. Мухи снялись с гудением, и открылось лицо Ешуа, совершенно заплывшее и неузнаваемое.

— Га-Ноцри! — сказал кентурион.

Ешуа с трудом разлепил веки, и на кентуриона глянули совсем разбойничьи глаза.

— Га-Ноцри! — важно повторил кентурион.

— А? — сказал хрипло Га-Ноцри.

— Пей! — сказал кентурион и поднес губку к губам Га-Ноцри.

Тот жадно укусил губку и долго сосал ее, потом отвел губы и спросил:

— Ты зачем подошел? А?

— Славь великодушного кесаря,— звучно сказал кентурион, и тут ветер поднял в глаза Га-Ноцри тучу красноватой пыли.

Когда вихрь пролетел, кентурион приподнял копье и тихонько кольнул Ешуа под мышку с левой стороны.

Тут же висящий рядом беспокойно дернул головой и прокричал:

— Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он! Убей и меня!

Кентурион отозвался сурово:

— Молчи на кресте!

И висящий испуганно смолк.

Ешуа повернул голову в сторону висящего рядом и спросил:

— Почему просишь за себя одного?

Распятый откликнулся тревожно:

— Ему все равно. Он в забытьи!

Ешуа сказал:

— Попроси и за товарища!

Висящий откликнулся:

— Прошу, и его убей!

Тогда Ешуа, у которого бежала по боку узкой струей кровь, вдруг обвис, изменился в лице и произнес одно слово по-гречески, но его уже не расслышали. Над холмами рядом с Ершалаимом ударило, и Ершалаим трепетно осветило.

Кентурион, тревожно покосившись на грозовую тучу, в пыли подошел ко второму кресту, крикнул сквозь ветер:

— Пей и славь великодушного игемона! — поднял губку, прикоснулся к губам второго и заколол его. Третьего кентурион заколол без слов, и тотчас, преодолевая грохот грома, прокричал:

— Снимай цепь!

И счастливые солдаты кинулись с холма.

Тотчас взрезало небо огнем, и хлынул дождь на Лысый Холм, и снизился стервятник.

Публикация
В. ЛОСЕВА.

Залог любви

Роман

1. ЛУННЫЕ ТЕНИ. Угасли звуки на станции. Даже неугомонный маневренный паровоз перестал выть и заснул на пути. Луна, радостно улыбаясь, показалась над лесом и все залила волшебным зеленоватым светом. А тут еще запахли акации, и засвистал безработный соловей... И тому подобное.

Две тени жались в узорной тени кустов, и в лунном отблеске изредка светились проводницкие пуговицы.

— Ведь врешь ты все, подлец,— шепнул женский голос,— поиграешь и бросишь.

— Дай-на губки.

— На... И откатывайся.

— Знаешь, Маруся, что я тебе скажу. Уж если ты словам моим не веришь, так я тебе залог оставлю.

Луна вдруг выглянула из-за сосен и стыдливо завернулась в облака, как турчанка в чадру.

2. В СУНДУКЕ ЗАЛОГ. Лил дождь. Маруся сидела у окошка и думала: «Куда же он, подлец, запропастился? Ох чуяло мое сердце».

3. ЗЛОДЕЙСКИЙ ПЛАН. Соблазнитель в это время находился в отделении милиции.

— Гм... Так что произошло со мной несчастье.

— Какое?

— Неописуемая вещь. Трудкнижку посеял.

— Вещь описуемая. Бывает с неаккуратными людьми.

— Вот, извольте видеть, дыра в кармане.

— Публикацию поместите в газете, а затем, вырезав ее, явитесь в отделение. Выдадим новую.

— Слушаюсь.

4. РОКОВОЕ ПИСЬМО. Через некоторое время в «Гудке» появилось:

«Утеряна трудкнижка за № таким-то, на имя такого-то. Выдана таким-то отд. милиции 8 мая 1923 г.».

Пришло письмо, поразившее редакцию как громом:

«Многоуважаемый товарищ редактор! Это все ложь! Книжка не утеряна, и такой-то врет. Он отдал ее мне в залог».

5. ЭПИЛОГ. Такой-то рвал на себе волосы и кричал:

— Что ж мне теперь делать после такого сраму?!

Стоял перед ним приятель и говорил ему:

— Не знаю, что уж тебе и посоветовать. Сделал ты подлость по отношению к женщине. Сам теперь и казнись!

«Гудок», 12 февраля 1925 г.

(Печатается в сокращении).